

По, всматриваясь внимательнее и оглядывая все пространство стен, они заметили, что герцог перенес свой лагерь, и увидели машины в том месте, где они были поставлены вновь.

В заключение этой главы автор говорит, как и прочие князья, каждый на своем месте, придвинули в эту ночь, с 13 на 14 июля, свои осадные орудия к стенам города.

XIII. Когда наступил день (14 июля), все войско в полном вооружении выступило из лагеря, чтобы начать приступ, как о том было возвещено. Все твердо решили или пожертвовать жизнью за Христа, или вернуть городу его христианскую свободу. В целом войске не было старика или больного, или несовершеннолетнего юнны, которые не горели бы священной жаждой битвы; даже женщины забывали свой пол и свою слабость и хватались за оружие, принимая на себя мужской труд, превышающий их силы. Вступив с таким единодушием в битву, они старались приблизить к стенам изготовленные машины с тем, чтобы побороть тех, которые им давали отпор, стоя на стенах и башнях. Осажденные же, решившись сопротивляться до последней крайности, пускали конья с бесчисленным множеством стрел, метали камни с руки или машиной и старались отразить наших от стены. Но наши не унывали. Из-за своих щитов и корзин они отвечали непрерывно своими луками и пращами и пытались неустранимо приблизиться к стене, не давая отдыха тем, которые стояли на башнях. Другие же, поместившись в машинах, то старались при помощи крюков пододвигать свои орудия, то пускали из метательных машин огромными камнями в стену, желая непрерывными ударами и сотрясениями поколебать ее и опрокинуть. Некоторые же при помощи малых метательных орудий, называемых машгамами, из которых стреляли мелким камнем, сбивали всех, кто сопротивлялся нашим на внешних укреплениях стен. Но ни те, которые пододвигали башни к стенам, не могли получить успеха, ибо им препятствовал глубокий ров, отделявший их от стен, ни те, которые старались метательными орудиями пробить стену, ибо

осажденные спускали со стен мешки, наполненные соломой и отрубями, канагы, ковры, громадные балки и матрацы, набитые ватой, чтобы такими мягкими и упругими впамя сделать безвредными удары камней и уничтожить все наши усилия. Сверх того, они сами устроили у себя машины, и притом в гораздо большем числе, и осыпали из них стрелами и камнями, чтобы тем утратить наших. Когда обе стороны сразились с таким упорством и делали страшные усилия, завязалась такой отчаянный бой, длившийся с раннего утра до вечера, что стрелы сыпались с обеих сторон, как град; пушечные камни сталкивались в воздухе, и люди погибали разными способами. Усилия и опасность были на стороне герцога одинаково, как и для Танкреда, графа Тулузского и других князей, ибо город – мы заметили выше – был с одинаковым рвением атакован с трех сторон. Наши более всего заботились о том, чтобы, засыпав ров камнями и землей, расчистить дорогу машинам; а осажденные старались, напротив, воспрепятствовать нашим в этом намерении. Тем, которые хотели исполнить то, они оказывали странное сопротивление и бросали на машины огонь и предметы, вымазанные серой, маслом, смолой, чтобы сжечь их. Кроме того, они направляли на наши машины из своих громадных орудий, изготовленных внутри, такие искусные удары, что у наших машин изломали фундамент, пробили стены и одним сотрясением почти сбросили на землю тех, которые сидели внутри их, чтобы оттуда сражаться. Наши же встречали восшаманительные вещиства тем, что заливали их массой воды и так старались потушить пожар.

В следующих главах, XIV–XVII, автор, заметив сначала, что ночь остановила яростный бой 14 июля, затем рассказывает, как в ту ночь обе стороны, не ложась спать, готовились к продолжению битвы; как с рассветом дня, 15 июля, возобновились прежние сцены, как удалось крестоносцам убить двух колдуний (см. об этом у Раймунда Агильского, ниже), заговаривавших их машины, и как, несмотря на все, христиане в седьмом часу дня готовы были отступить, но в то время явился на Масличной горе всадник с пламенным щитом, воодушевивший крестоносцев до того, что они успели наконец засыпать ров.